

Юревич А. В. Умные, но бедные: ученые в современной России.

М.: Московский общественный научный фонд. Издательский центр научных и учебных программ, 1998. — 208 с. (Серия «Научные доклады», вып. 70)

Взяв в руки книжку, где в заглавии вынесено «ученые в современной России», я настроился на минорный лад, ожидая плача по загубленной отечественной науке. К этому меня подготовила вся предшествующая научно-публицистическая литература. К тому же оформление издания в красно-черно-белых тонах создавало соответствующую атмосферу предстоящего чтения.

Однако предчувствие меня обмануло. Конечно, в настоящем состоянии российской науки отрадного немного, и автор это показывает. Но, во-первых, после знакомства с книгой понимаешь, что известие о гибели науки сильно преувеличено, а во-вторых, автор надеется на оптимистический путь ее развития.

Правда, в большой степени пафос этого труда обращен к властям, которых не заботит будущее ученых в нашей стране, чей отчаянный крик о помощи можно уподобить призыву моряков, тонущих на подводной лодке, как в песне В. Высоцкого:

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья,
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше.
И ужас режет души
Напополам...

Звать на помощь, конечно, можно и нужно, но есть определенная логика развития нашей страны, где каждый внес и продолжает вносить свою лепту в процесс обособления науки от государства. Ученые здесь не исключение. Их пассивная позиция в прошлом, когда за ученых все решала бюрократия, отучила их от социально-конструктивных действий, что сказывается и в настоящем. Они продолжают всю ответственность возлагать на правительство, не умея лоббировать свои интересы. На мой взгляд, крылатая фраза Остапа Бендера: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих», — как нельзя лучше отражает создавшуюся ситуацию.

Автор, как врач-диагност, прошелся по всему телу больной науки и отметил

все отклонения от нормы. Но рецепта на излечение не дал, да и кто его даст?

Может, журналисты? Как это делает А. Ваганов в «Независимой газете», сравнивая мышей с учеными: «Между прочим, психофизиологи экспериментально установили любопытную закономерность: около 15 % подопытных мышей, когда их запускают в лабиринт, ищут отсек не с кормушкой или самкой, а с совершенно бесполезными вещами; они начинают их обнюхивать, облизывать, поворачивать. Короче, ведут себя как настоящие *исследователи!* Но самое поразительное, что у этих мышей зафиксирована повышенная сопротивляемость болезням и повышенная продолжительность жизни. И опять же великолепное совпадение: средняя продолжительность жизни мужского населения в России составляет 58 лет; средний же возраст действительных членов Российской академии наук (на 1 января 1998 г.) — 68,9 года» [1, с. 2]. Что может себе позволить журналист, не всегда уместно для ученого, вплотную занимающегося социально-психологическими проблемами развития научного сообщества. Большинство взглядов А. В. Юревича на прошлое, настоящее и будущее науки в России находят у меня полное понимание и эмоциональный отклик.

Как и он, я испытываю законную гордость от таких строк: «В истории человечества трудно найти страну, в которой интеллектуальные ресурсы в столь же огромной степени были сконцентрированы в науке. Именно поэтому мы имели вполне приличную — по самым строгим международным стандартам — и успешно развивавшуюся науку на фоне застоя (если не деградации) во всем остальном» (с. 186). Однако вместо слов «успешно развивавшуюся», я бы написал «все же развивавшуюся». Вместе с ним я хочу в факте повышения конкурса в вузы видеть «симптомы светлого будущего»: «Первые симптомы его приближения можно наблюдать уже сейчас — например, в виде того, что конкурс в гуманитарные вузы, дающие не потребное на нашем “рынке” образование, уже два года пре-

вышает конкурс в заведениях, штампующие бухгалтеров, специалистов по маркетингу и прочую подобную публику. Подобные явления дают возможность предположить, что наш народ уже начал излечение от "ларьковой психологии", изживание повального увлечения торгово-финансовыми махинациями, чуждыми его менталитету, и будет постепенно возвращаться к своим исконным ценностям» (с. 187). Хочется искренне верить в это. Хотя опросы общественного мнения показывают, и автор на них опирается, что те ценности, на которых основано развитие науки, не так уж высоко котируются у нашего населения.

Скрепя сердце следует признать правильным пессимистичный вывод А. В. Юревича в конце его работы, который отстоит всего на пять страниц от предыдущего оптимистичного заключения по поводу «возвращения к исконным ценностям», когда он пишет: «Происходящее с наукой свидетельствует о том, что у нее нет не только гарантированного светлого будущего, но и предначертанной траектории развития...» (с. 181).

Обращение к социально-психологическим проблемам научного сообщества и общества в целом отличает авторский подход от подходов его предшественников, которые основное внимание фиксировали на экономико-социологических проблемах науки. Его обращение к социально-психологическим проблемам науки не ограничивается анализом ее современного состояния, а подкреплено знанием исторического материала.

Благодаря этому вырисовываются причинно-следственные связи и становятся понятными некоторые процессы, происходящие в современном научном сообществе России. Формирование профессии ученого в нашей стране шло медленнее, чем в других развитых странах. «Представители западной науки характеризуются как "купцы истины" (термин А. Зимана), которые торгуют научным знанием точно так же, как любой другой купец торгует своим товаром. Для российских же интеллектуалов был характерен не купеческий, а "толстовский" образ жизни: они занимались наукой не ради того, чтобы прокормиться, а для того, чтобы самореализоваться и удовлетво-

рить свое любопытство (но за государственный счет), а "кормились" за счет своих имений и других побочных источников доходов» (с. 22). Интеллектуализм отечественных ученых находил хорошую подпитку в общественном сознании, где до недавнего времени престиж научной деятельности был высоким. Яркие представители российской науки руководствовались «решением не личных или узкопрофессиональных, а общесоциальных проблем» (с. 23); коллективизм и культ служения обществу формировали основные мотивы их поведения. Вместе с тем «гипертрофированный коллективизм, отсутствие должной заботы о закреплении приоритета и лицензировании открытий ослабляли индивидуальную мотивацию, а подчас наносили ущерб самим же коллективным интересам» (с. 27).

Отмеченная А. В. Юревичем «социальная недоразвитость» научной профессии в России, получила питательную среду в советский период, когда в деятельности ученых коллективная ответственность вытеснила индивидуальную. Скажем, институт «рекомендаций», действовавший ранее и продолжавший действовать на Западе сейчас, накладывает обязательства на людей, дающих рекомендации для карьерного роста ученых или их материального вознаграждения. Раньше поручительство таких ученых, как Д. И. Менделеев, И. П. Павлов или В. И. Вернадский открывало их протекже широкие возможности для успешной научной деятельности. Однако рекомендации они давали только достойным, оберегая свое имя в научном мире. В СССР личная рекомендация стала считаться неприличной. Человека должна была представлять какая-либо организация. Личное хотя и продолжало существовать, но тщательно скрывалось за коллективом и организацией. Начало торжествовать «телефонное право», позволявшее легко уходить от ответственности.

А. В. Юревич, являясь представителем науки, конечно, с горечью констатирует ее бедственное положение. Хочет, чтобы положение изменилось. Однако материал для такого изменения, по его же оценкам, не самый лучший. Из науки уходят молодые, эмигрируют из страны работоспособные. Наука стареет, средний возраст ее

действующих лиц перевалил за 50 лет (с. 40). «Свои жизненные неудачи — превращение в людей “второго сорта” и т. д. — отечественные ученые объясняют внешними обстоятельствами: например, низкой культурой общества, безразличием власти к науке и т. п., что выливается в соответствующее отношение к этому обществу и его властным структурам» (с. 53). Обостряется чувство несправедливости, ибо ученые видят, что блага приобретают далеко не самые способные и порядочные люди. Наверх выходят несимпатичные им типы, которые в прежней жизни вынуждены были маскировать свои неприглядные черты. Невостребованность науки и снижение своего социального статуса болезненно переживаются учеными, порождая у них то, что автор называет «синдромом ненужности», который имеет серьезные последствия для их психологического состояния. А. В. Юревич цитирует слова одного отечественного психиатра, который пишет: «... в одном отделении лежат, бывает, столько ученых мужей, профессоров, что в пору симпозиумы в палатах проводить» (с. 58). Не самые благоприятные изменения переживает и система межличностных отношений ученых. В частности, обостряются отношения между учеными, оставшимися в российской науке, и учеными, эмигрировавшими в страны дальнего зарубежья; а также между учеными на постоянном окладе и теми, кто имеет дополнительные заработки (с. 58).

Ученые пытаются найти психологическую защиту от стрессов. Автор отмечает три стратегии «ухода от проблем» сегодняшнего дня. Первая, наиболее распространенная, — внушить себе и другим, что «все временно» и наука снова станет нужна обществу. Вторая — ориентация на зарубежную науку, где «нас ценят», поэтому их труд не напрасен. И третья — попытка уйти в науку как служение вечным ценностям, независимо от вознаграждения.

Научное сообщество пытается приспособиться к изменившимся условиям жизни. Естествен путь увеличения объемов работ. Исследователи берутся за выполнение нескольких тем, в том числе в различных организациях. Участвуют в конкурсах на выполнение грантов российских и зарубежных фондов. Пытают-

ся наладить практическую реализацию идей. Автор приводит примеры, когда ученые успешно продают на технологическом рынке свои разработки. Совмещают научную работу с педагогической. Однако многие ученые вынуждены подрабатывать за пределами науки. Таких сейчас примерно 70%, причем их число в 3 раза превышает долю «подрабатывающих» среди работающего населения России в целом (с. 104).

Ученые, имеющие «хорошие мозги и школу мышления», нередко находят применение своим способностям не только в науке, но также в бизнесе и в мире политики. Однако в этой ипостаси проявляются не самые их сильные стороны. Прислуживая политической элите, занимаясь созданием общественного мнения, ученые теряют свою квалификацию и нравственные качества. Эти потери невосполнимы. Несколько по-иному дело обстоит в бизнесе, где ученые создают благоприятную почву для внедрения высоких технологий в экономику страны. Тем более что новые предприниматели из числа ученых психологически не хотят порывать с наукой и склонны заниматься наукоемким бизнесом. Но барьерами на этом пути выступают криминализация экономики, несовершенство нашего законодательства, препятствующего развитию наукоемкого производства и т. д.

Советская наука в своих рядах имела много людей, которым был важен не практический результат, а внутренняя эстетика, красота мысли и интеллектуальные упражнения. Часто они находили применение своим способностям на поприще популяризации научных достижений, в преподавании, а главное, они создавали атмосферу интеллектуализма, пропитывавшую всю культурную жизнь советского общества. Если бы они могли найти себя в настоящее время, то наша наука и наше общество приобрели бы другое лицо. Но этого не происходит, ученые в нашем социуме не востребованы, что порождает у них уныние и подавленность, а также массовое желание уйти из науки.

Надо сказать, что эти настроения присущи и другим социальным группам в нашем обществе. Вот какое положение вещей было еще совсем недавно в самом,

пожалуй, престижном профессиональном клане страны — дипломатическом. В 1992–1993 гг. из Министерства иностранных дел уходило вдвое больше сотрудников, чем поступало на работу. «Российским дипломатам слишком мало платили. И у них стало меньше шансов поехать за границу, потому что штаты посольств и консульств сократились. Российские дипломаты перестали ощущать себя привилегированной кастой, которой открыто в жизни то, что недоступно другим. Когда каждый российский гражданин получил возможность поехать за границу и зарабатывать хорошие деньги, ореол дипломатической — выездной! — службы поблек. Особо завидного в жизни российского дипломата осталось немного. Российские дипломаты сидят в тесных комнатухах и ведут довольно скучный образ жизни: читают шифровки из посольств, стоят в очереди в буфете, составляют справки, тоскуют на совещаниях, устраивают детей в спецшколу, курят в специально для этого отведенных местах (курить в кабинетах позволено только начальству), вскакивают, когда в комнату входит это самое начальство, и ждут, когда подойдет их очередь ехать в загранкомандировку. Бедствующих дипломатов подкармливали тем, что отправляли вахтовым способом на три месяца в какое-нибудь посольство на свободную ставку. Командировочный не пьет, не ест, копит валюту для семьи. Потом с покупками назад в Москву. А в посольство едет следующий. В посольстве, конечно, предпочли бы постоянного работника, за три месяца в дела не вникнешь, но все понимали, что людям надо как-то жить.

У Министерства иностранных дел не было денег ни на ремонт осыпающихся потолков, ни на новую мебель в кабинет министра, ни даже на то, чтобы заплатить за лифт. Министерство производило жалкое впечатление... Кабинеты мидовские были в ужасном состоянии: осыпающиеся потолки, обшарпанные двери, дряхлая мебель. Комнат не хватало, поэтому сидели дипломаты на голове друг друга. Изучающие иностранный язык устраивались прямо в коридоре.

Такая жизнь дипломатам не нравилась. Забыв свойственные им осторожность и сдержанность, даже они кляли власть, которая не может ни платить им хорошую зарплату, ни вернуть утраченное чувство избранности. И сгоряча говорили, что в здании на Смоленской площади остались либо серые личности, которым больше нигде устроиться, либо прирожденные дипломаты, которым нет жизни вне МИД.

У дипломатов были и чисто психологические причины для недовольства. Уже при Шеварднадзе дипломатов стали обвинять в недостатке патриотизма и низкопоклонстве перед Западом» [2, с. 280–281].

Приведенный пассаж из книги журналиста-международника Л. Млечина о жизни дипломатов ученого, конечно, не запугает. Как много общего в условиях жизни и психологическом ощущении себя в обществе! У ученых есть и свои плюсы, которые познаются в сравнении. И главный из них — демократичность научной деятельности, большая свобода творчества.

Однако жизнь дипломатов с приходом Е. Примакова на пост главы МИД стала налаживаться: улучшилось их материальное положение (пенсии, льготы за секретность и т. д.), начала вырисовываться концепция внешнеполитического курса страны, что придало психологическую стабильность сотрудникам МИД. В науке толчка извне не было, а корпоративная солидарность ученых и их самоорганизация пока не проявили себя. Будем надеяться, что «наука дело тонкое», но надежное... Общество осознает, что оно не сумеет без науки, а наука к тому времени еще будет жива. По-моему, автор этого больше всего и хочет, что несомненно совпадает с желаниями большинства научного сообщества страны, которое достойно лучшей участи.

Литература

1. «НГ–Наука». Февраль. 1999. № 2.
2. Млечин Л. Евгений Примаков: История одной карьеры. М., 1998.

А. Н. Родный